

Экономика-язык-культура (дискуссия)

Продолжая обсуждение материалов "круглого стола" на тему "Экономика-язык-культура" (2000, № 6), начатое в № 1 за 2001 год, предлагаем вниманию читателей статью Н. Тихоновой. Мы посчитали возможным в данном номере ограничить обсуждение лишь ее выступлением, поскольку в предложенном материале теоретический анализ подходов, содержащихся в выступлениях участников "круглого стола", сочетается с конструктивным анализом социокультурных особенностей российского общества. При этом в своем анализе Тихонова опирается на обширный оригинальный социологический материал, на наш взгляд, существенно расширяющий рамки, первоначально заданные участниками дискуссии.

Н.Е. ТИХОНОВА

Личность, общность, власть в российской социокультурной модели

Попытки последних лет насадить в России "семена" западных моделей экономического развития (от кейнсианства до откровенного монетаризма) показали, сколь удивительные "плоды" вырастают здесь из этих "семян". При этом очевиден парадокс. С одной стороны, нельзя сказать, что российская "почва" оказалась непригодна для реформирования: новые реалии российской жизни прорастают прямо на наших глазах с удивительной, а подчас и пугающей скоростью. Фактически всего за 10 лет в России возникла вся рыночная инфраструктура, включая банки, биржи, страховые, маркетинговые, аудиторские, консалтинговые, риэлтерские, рекрутинговые и иные компании, для которых в конце 80-х годов не было не только кадров, но, на первый взгляд, и людей, способных эти кадры в ускоренном темпе подготовить. Да и частный сектор в экономике, по крайней мере по численности предприятий, уже превзошел сектор государственный.

С другой стороны, мало сказать, что все эти новые реалии российской жизни выглядят совсем не так, как задумывалось реформаторами. В конце концов еще Гегель говорил об "иронии истории", из-за которой результат любых начинаний всегда имеет не только не тот вид, который представлялся вначале, но зачастую и прямо обратен предполагававшемуся. Главное в другом. Как-то все больше начинает ощущаться, что все вполне рыночные на первый взгляд элементы российской жизни имеют не просто отдельно взятые дефекты (типа не умеющих работать в рыночных условиях директоров на ряде частных предприятий), а совсем иное системное основание. То есть проблема не в том, что каждое из посеянных "семян" дало на рос-

Тихонова Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, заместитель директора Российского независимого института социальных и национальных проблем, директор Центра социально-экономических исследований.

сийской "почве" совсем не то растение, какое из него ожидали получить. Проблема в том, что, посадив березовую рощу, мы вдруг оказались в зарослях камышей.

Причем сам факт, что мы оказались совсем не там, где рассчитывали, уже ни у кого не вызывает сомнений. Просто одни винят в этом сами "семена", другие - тех, кто их растил, а третьи пытаются разобраться, не в самой ли "почве" тут дело. И не случайно в последние годы, в том числе и в журнале "Общественные науки и современность", появляется так много материалов, авторы которых пытаются через призму разных подходов осмыслить специфику этой самой российской "почвы". Причем делается это методами различных наук - и психологии, и экономики, и культурологии, и социологии, и истории, и ряда других наук¹, что свидетельствует о действительно назревании проблемы.

Сразу подчеркну - на мой взгляд, *социокультурная специфика России не сводится к специфике сознания или ценностей россиян. Она гораздо шире и включает в себя, по сути, совершенно особый тип общества с особым механизмом социального регулирования и социального воспроизводства.* В принципе, на уровне постановки проблемы такой подход далеко не нов - о России как особом типе цивилизации много говорилось еще в знаменитых спорах "западников" и "славянофилов". В той или иной степени дань этому сюжету отдали практически все крупнейшие представители русской философии. Да и в наше время из него исходят в своем анализе многие специалисты, работающие в рамках данной проблематики.

Этот же подход, по сути, лежит в основе анализа, предпринятого группой В. Найшуля, только специфику российского социума они пытаются зафиксировать опосредованно, через отражение ее в рамках определенных фразеологических конструкций. То есть цепочка, лежащая в основе их рассуждений, строится по неявно сформулированному принципу "элемент социальных отношений - его отражение в общественном сознании - фиксация наиболее устойчивой формы этой идеальной модели элемента социальных отношений в языке как носителе не только общественного сознания, но и коллективного бессознательного". При невозможности проведения развернутых психологических исследований, позволяющих зафиксировать, "поймать" коллективное бессознательное россиян, такой подход сам по себе представляется плодотворным и интересным.

Несомненно, что он, как, собственно, и надеются участники "круглого стола", по-

---

¹ Например, религиоведения, в рамках которого в последние годы рассматривался круг проблем от специфики трудовой этики россиян, вытекающих из особенностей православия, до особенностей ценностей православной культуры в целом. В рамках психологического подхода к проблеме специфики россиян хотелось бы в первую очередь упомянуть работы К. Касьяновой. Если же говорить о социологических или тем более собственно культурологических исследованиях, то здесь спектр анализировавшихся проблем настолько широк (от проблематики архаических пластов в психике россиян до специфики воздействия на избираемую стратегию развития деревенской культуры, носителями которой выступало до последнего времени большинство политической и хозяйственной элиты страны), что бесполезно даже пытаться выделить какие-то отдельные работы. Впрочем, мое выступление в настоящей дискуссии и не ставит перед собой цели дать обзор сделанного в этой области за последние годы - это в принципе невозможно. Его главный пафос в другом - попытаться на отдельных примерах показать, что сегодня власть пытается реализовать реформы, а наука - подсказать ей возможные для этого пути, даже не задумываясь в большинстве случаев о том, что даваемые рекомендации совсем не учитывают ни специфики мышления тех людей, которым предстоит эти реформы реализовывать, ни особенностей того общества, реформировать которое они призваны. И дело здесь не в чей-то злой воле, а в элементарном незнании предмета, точнее - его пока еще непознанное™.

Конечно, за последние годы появилось огромное число работ о "русском менталитете", да и сама я не раз писала о нем. Но все это не может заменить обобщающих, фундаментальных работ, где данная проблема была бы раскрыта систематически и комплексно. И любые дополнительные сведения, которые может дать анализ этой проблематики через призму нетрадиционных подходов к ней - а именно к такого типа исследованиям относится исследование коллектива Института национальной модели экономики (ИНМЭ) под руководством В. Найшуля, - имеют для решения проблемы познания особенностей российской ментальности и российского типа социума огромное значение.

может лучше понять, через какие механизмы возможно обеспечение принятия рыночной культуры россиянами, что именно в национальной культуре способствует даже не столько отторжению, сколько какой-то фантастической мутации прививаемой на российской "почве" социально-экономической модели, характерной прежде всего для традиционно протестантских стран. Однако это, разумеется, далеко не единственный путь научного анализа, помогающего решить данную проблему, что не умаляет, впрочем, значимости полученных группой Найшуля результатов.

Нельзя не согласиться с ними также и в том, что насаждение новых языковых конструкций, никак не связанных с органической тканью российской культуры, не только уродует русский язык, но и, что гораздо опаснее, разрушает зафиксированные в коллективном бессознательном через язык устойчивые формы социальных отношений, являющихся важными компонентами национальной культуры в целом². Однако предложения сделать попытки восстановления определенных архаических языковых конструкций, и даже создания "нового языка, как бы новой разметки политического, экономического и иного пространства" (Г. Хазагеров), на мой взгляд, сегодня звучат утопично. И дело не только в том, что архаика не примет "улица". Главная проблема заключается в том, что нет и не предвидится социальных сил, способных и заинтересованных в такого рода изменении языка. А следовательно, бесполезно обсуждать, "как лучше было бы это сказать", можно говорить лишь о том, что лингвистический (или социолингвистический) анализ позволяет установить наличие в национальной культуре таких-то и таких-то устойчивых форм социальных отношений или явлений.

Из дискуссии за "круглым столом" осталось непонятно, почему в качестве таких устойчивых форм избираются именно те фразы, которые приведены, например, в выступлениях О. Гуровой как пример фиксации в языке определенных моделей социальных отношений, как именно они были выделены из огромного количества теоретически возможных. Хотя лично у меня не вызывает сомнения обоснованность их выделения (почему - я постараюсь показать ниже). И именно потому, что сам по себе подход к коллективному бессознательному с позиций лингвистического анализа представляется очень перспективным, а его эвристические возможности уже давно и плодотворно используются, например, применительно к исследованию английского языка и коллективного бессознательного в англосаксонской культуре³, понять методическое обоснование работы специалистов ИНМЭ представлялось бы чрезвычайно важным. Важным для формирования отношения к полученным ими результатам, для уяснения того, что это - результат научной интуиции ученых, вывод из анализа большого объема каких-то текстов или что-либо еще.

Со своей стороны, в рамках данной статьи мне хотелось бы подойти к проблемам, поставленным Найшулем, Гуровой и другими участниками "круглого стола" с позиций социолога. Надо сказать, что Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП) с середины 1990-х годов в ходе общероссийских социологических опросов также пытается выделить то специфическое системное основание, которое лежит в основе мироощущения россиян

---

² Культура здесь и далее понимается мной не только как система определенных смыслов, но - шире - как определенный способ организации и самовоспроизводства исторически-конкретного социума, важнейшей стороной и предпосылкой которого и является определенная, характерная именно для него, система смыслов, знаков и символов. Это, разумеется, не столько определение, сколько просто рабочее уточнение того, что в данной статье подразумевается под культурой, но, рискуя повториться, еще раз подчеркну - в культуру в таком понимании обязательно включаются не только, например, ценности, символы и т.д., но и определенные социальные механизмы (например, механизм социализации подрастающих поколений, механизм саморегуляции взаимоотношений между людьми в обществе, определенные традиции разрешения неизбежно возникающих в рамках любого социума конфликтных ситуаций и т.д.), зафиксированные в том числе и в коллективном бессознательном.

³ Возможно, впрочем, что этим занимаются и применительно к другим языкам, но, не будучи специалистом в данной области, я боюсь давать здесь более широкие оценки.

и существующего в российском обществе на уровне самоорганизации ("неписаного права") механизма социального регулирования. Особенно хотелось бы выделить в этой связи исследования 1998 года "Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" и исследования 2000 года "Россияне о судьбах России в XX веке и своих надеждах на новое столетие"⁴.

Основное внимание, также как в примерах, приводившихся для иллюстрации лингвистического подхода⁵ на "круглом столе", я постараюсь при этом уделить проблемам специфики модели взаимоотношений государства, личности и общества, существующей в сознании россиян, своеобразию их представлений о роли оппозиции, роли и функциям верховной власти. Хотя, на первый взгляд, это не прямо связанные с экономикой сюжеты, но это тот контекст, вне и независимо от которого никакие экономические реформы не могут реализовываться.

Итак, как же выглядит российская модель взаимоотношений общества (в значении "общности"), личности и государства и насколько она совместима с западной в том ее виде, который лежит в основе российских реформ последних лет? Сразу подчеркну - сами россияне очень хорошо понимают, что отечественная модель взаимоотношений общества, личности и государства имеет значительные отличия от западноевропейской, что любые реформы по западному образцу в России невозможны. Так, в неоднократно предлагавшихся респондентам в ходе исследований РНИСиНП альтернативах "Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны" и "Россия - особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни" подавляющее большинство россиян (от 70 до 75% в различных исследованиях я в разные годы) уверенно отвечали, что западный путь для России не годится. Причем эту точку зрения почти в равной степени разделяли представители всех возрастных групп, различных идеологических течений (в том числе и активные сторонники рыночного пути развития, ценностей индивидуализма, дальнейшего движения по пути демократизации общества и т.д.).

Таким образом, складывается парадоксальная картина: россияне в большинстве своем одновременно убеждены в необходимости реформирования страны, продвижение ее по рыночному пути, не хотят возвращения к социализму и плановой экономике и считают важными многие демократические ценности, но все это мирно сосуществует в их головах с идеей неприемлемости западного пути развития. Что же именно не устраивает их в этом пути? Проведенный в ходе исследования "Граждане новой России..." специальный анализ показал, что это прежде всего иная социокультурная модель, иное понимание того, "что такое хорошо и что такое плохо".

Судя по полученным эмпирическим данным, российская социокультурная модель взаимоотношений человека и общества предполагает *приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство, над интересами личности*. При этом *личность сохраняет право отстаивать свои интересы, а государство обязано учитывать при выработке общего направления развития общества все многообразие интересов членов общности*. Личные свободы и демократические формы организации общественной жизни и разрешения конфликтов хотя и важны

⁴ Наиболее полным из опубликованных материалов по результатам этих исследований, некоторые даны: которых будут использованы в настоящей статье, являются варианты аналитических отчетов по ним, вошедшие в монографию "Россия на рубеже тысячелетий" (М., 2000). Там же дается подробное описание методики этих исследований. Отмечу лишь, что оба исследования носили общероссийский репрезентативный характер.

⁵ Впрочем, учитывая масштаб и характер поставленных на "круглом столе" вопросов, определение "социолингвистика" представлялось бы мне более точным и полным, чем "лингвоэкономика", как назвали свой подход специалисты ИНМЭ. Думаю, в данном случае введение нового термина преследует цель, скорее, адаптировать специалистов в области социальных наук (экономистов, социологов, юристов и т.д.) к возможности использования лингвистических методов при анализе социальных явлений, нежели фиксацию возникновения принципиально нового типа научных исследований, поскольку среди самих филологов этот подход используется уже давно.

для значительной части россиян, в такой модели взаимоотношений государства, общества и личности все же *не являются решающими*.

В качестве краткой иллюстрации этого тезиса сошлюсь прежде всего на позицию россиян в вопросе о том, чьи интересы должно отстаивать государство - интересы народа перед интересами отдельной личности или наоборот. С приоритетом интересов общества по отношению к интересам личности в исследовании "Граждане новой России..." было согласно 71,5%, а не согласно - 12,5% (остальные затруднились с ответом). Не буду подробно останавливаться на этом, но приоритет интересов общности по отношению к интересам отдельной личности неоднократно проверялся и в других исследованиях, причем вопрос задавался в разных формулировках, и результат всегда был примерно одинаков. Причем это инвариантная характеристика, и даже среди молодежи убеждение в приоритетности интересов общности по отношению к интересам личности разделяют почти 3/4 опрошенных.

Это, конечно, принципиально иная модель взаимоотношений личности, общности и государства, нежели существующая в Западной Европе, где государство заботится не об абстрактном "благе народа", а выступает гарантом интересов именно личности в ее взаимоотношениях с обществом, гарантом реализации отдельно взятым индивидом своих прав и свобод. Сам индивид использует последние, чтобы реализовывать свои интересы, не дожидаясь пока о них позаботится государство. Однако иная, нежели на Западе, модель взаимоотношений личности и государства не означает тяги к тоталитарному обществу.

Легитимно и вправе требовать от личности подчинения своих интересов общественным для россиян только такое государство, которое будет соблюдать не интересы государственного аппарата, как бы их ни называли и какими бы красивыми лозунгами они ни прикрывались, а интересы общности, отражаемой понятием "народ". Соответственно, и среди функций государства россияне в первую очередь выделяют те, которые связаны с обеспечением условий для выживания и, что очень важно, саморазвития этой общности. Если говорить об этих функциях более подробно, то к социальным функциям государства россияне в исследовании "Граждане новой России..." отнесли прежде всего:

- гарантию оплаты труда (94,0%);
- гарантию минимума доходов для каждой семьи (86,1%);
- гарантию занятости для всех, кто в этом нуждается (85,6%).

Если же от социальных функций государства перейти к функциям, обеспечивающим развитие общности в целом, то оказывается, что россияне в большинстве своем на протяжении всех девяностых годов считали приоритетным направлением деятельности государства содействие развитию науки и наукоемких технологий. Во всяком случае в нескольких мониторинговых исследованиях РНИСиНП с 1993 по 1999 год, где задавался вопрос о том, каким отраслям государство должно помогать в первую очередь, 60-70% опрошиваемых называли именно науку и наукоемкие технологии. Далее с большим отрывом шло сельское хозяйство, а прочие отрасли, включая угледобывающую, вообще выпадали для большинства из числа значимых направлений деятельности государства.

Не буду более подробно останавливаться на проблеме представлений россиян о том, как должно вести себя государство, выражающее не свои собственные интересы, а интересы общности (хотя здесь многое можно было бы сказать об их отношении к роли государства в здравоохранении, образовании и пенсионном обеспечении, в сфере регулирования деятельности средств массовой информации, естественных монополий, топливно-энергетического комплекса и т.д.). Главное здесь то, что, судя по социологическим данным, только законы такого государства население признает справедливыми и готово будет их соблюдать.

Причем государство персонифицируется прежде всего в представителе верховной власти, и не случайно, судя по данным РНИСиНП, все эти годы самыми популярными формами организации государственной власти для россиян остаются различные ва-

рианты президентской республики, в наибольшей степени отражающих основную ось взаимодействия "народ - верховный правитель". Весь государственный аппарат при этом воспринимается населением лишь как элемент, необходимый "верховному правителю" (в современных условиях - президенту) для реализации его функций и самому народу чуждый. То есть власть как бы делегируется "верховному правителю", после чего люди полностью отстраняются от любых форм участия в ней, сосредоточиваясь на своем микромире. В ответ они ожидают от власти невмешательства в частную жизнь, возможного максимума личных свобод и реализации "общего интереса".

Что касается государственного аппарата, то россияне заведомо воспринимают его как неизбежное, но необходимое зло. И не случайно низкий рейтинг всех конкретных государственных институтов у населения стал общим местом во всех социологических исследованиях, затрагивавших эту тему. Соответственно, в его хитросплетениях, дублирующих друг друга службах, непрерывной борьбе за "перераспределение компетенций" люди в большинстве своем не ориентируются и не хотят ориентироваться⁶.

Таким образом, президент выполняет в глазах россиян важнейшую социальную функцию, которая заключается отнюдь не в том, что он гарант Конституции (которую народ в подавляющем своем большинстве не читал и не знает), а в том, что, стоя над всеми, он должен быть выше столкновений любых групп, слоев и институтов, выражая некий общественный, общенародный интерес в противовес любому частному интересу, будь то интерес отдельных личностей, групп или даже многомиллионных классов. И народ, понимая сколь трудно выполнять эту роль и доверяя президенту стать выразителем общих интересов с достаточно большими полномочиями, внутренне готов спросить с него в первую очередь не за то, что "денег не хватает", или какой-то очередной чиновник пойман на взятках или растрате, а за то, что президент не справляется с этой главной своей функцией.

В принципе данная модель непосредственных, основанных на персонификации власти, взаимоотношений государства и общества достаточно точно отражается упоминанием на "круглом столе" Гуровой основными принципами власти типа "Земля спрашивает с Царя, а он держит ответ перед Землей", "Когда народ требует ответа, Царь держит ответ перед народом" и т.д. Нет нужды говорить о том, как далека такая модель, составляющая социальный запрос россиян к власти, от того, что сейчас имеет место в России, где государство и общество живут пока по-прежнему в двух непересекающихся плоскостях.

Добавлю к вышесказанному, что личность имеет в глазах россиян достаточно большие права, а свобода и даже демократия для населения России относятся к числу значимых ценностей. Не случайно в ходе исследования "Граждане новой России..." полностью согласны с тезисом, что "каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения", было 69,8% респондентов, а не согласных - всего 3,2% (остальные придерживались промежуточных позиций или затруднились с ответом).

Правда, право личности на отстаивание своей позиции имеет для россиян один весьма существенный ограничитель - оно не должно создавать реальной угрозы обществу, а еще точнее - способствовать возникновению ситуаций, нарушающих общественную безопасность, т.е. провоцировать беспорядки и применение насилия. Во всяком случае этот вывод вытекает из эмпирических данных, полученных РНИСиНП при анализе данной проблемы.

Проблема насилия (в разных вариантах задававшихся в ходе различных исследований РНИСиНП вопросов - "общественных беспорядков", "насильственных действий", "применения силы" и т.д.) вообще служит для россиян важнейшим ограничителем действий как их самих по отношению к обществу или власти, так и власти (го-

---

⁶ Кстати, с несовместимостью этой модели с основными принципами гражданского общества в немалой степени связаны сложности формирования последнего в России.

сударства) по отношению к ним. То есть ненасильственный характер методов разрешения возникающих конфликтов выступает для российской культуры **сегодня** важнейшей предпосылкой того "общественного договора", на котором строятся взаимоотношения общества и власти. Я подчеркиваю слово "сегодня", так как, работая с полученными в последние годы социологическими данными, не берусь судить о временной инвариантности этой особенности современной российской культуры. Но о том, что сегодня положение именно таково, имеющиеся многочисленные данные свидетельствуют достаточно однозначно.

Российское общественное мнение отвергает сейчас любые радикальные способы общественного переустройства. Устойчивая приверженность эволюционному пути развития - главный фактор, консолидирующий россиян. Причем "ненасилие" выступает как требование и по отношению к самому населению, и по отношению к государству. По мнению россиян, все конфликтные ситуации должны регулироваться с позиции права (сферой действия которого и является для них прежде всего регулирование ситуаций, связанных с насилием или угрозой насилия), только в этом случае власть будет признана демократичной.

Возможно, что данная черта сформировалась сравнительно недавно как ответ на огромные "дозы насилия", которые страна "приняла" в XX веке. Но в любом случае анализ социологических данных об общих установках россиян и конкретных проблем общества, где используется или может использоваться насилие (Чечня, возможность распада страны, выступления экстремистских сил и т.д.), показывает, что россияне отвергают насилие. Допустимым они считают его только как ответную меру на уже примененное кем-то насилие (с Чечней эта модель сработала после вторжения в Дагестан и серии терактов на территории России), т.е. на уже происшедший выход за пределы правового поля. Возможно, именно этим объясняется долготерпение россиян в ходе реформ, так как любые массовые выступления протеста в условиях раскола общества (а ситуация с гимном еще раз продемонстрировала этот раскол чрезвычайно наглядно) неизбежно вызвали бы эскалацию насилия, последствия которой были бы весьма трагичны. И большинство населения это интуитивно понимает.

В условиях, когда весь механизм социального регулирования в силу целого ряда причин носит в России *конвенциональный характер* (фактически сводясь к формуле "если вы так, то и я так"), установка на взаимное неприменение насильственных методов становится важнейшей основой стабильности и относительного спокойствия в обществе. Сложно даже представить себе, что может начаться, если власть вдруг нарушит этот негласный полусознательный договор и, тем самым, освободит от него население.

Таким образом, *свобода личности ограничивается для россиян ее правом "быть услышанной" при выработке некоего единого, отражающего интересы народа в целом, вектора развития страны, а не необходимостью руководствоваться интересами отдельных личностей (или меньшинств) в противовес обществу или, тем более, их правами отстаивать свои права, создавая реальную угрозу для общественного спокойствия.*

Эта готовность к добровольному самоограничению личной свободы во имя общего блага выступает тем более ценной и значимой, что вообще-то, по крайней мере судя по социологическим данным⁷, россияне очень большие индивидуалисты и роль индивидуальной свободы для них очень велика. Во всяком случае об этом свидетельствуют многие данные РНИСиНП, в частности ответы на вопрос в дилемме "материальное благополучие - свобода". Данные мониторинга РНИСиНП показывают, что стабильно, из года в год с 1992 года (года начала ежеквартальных мониторинговых исследований) по настоящее время 2/3 россиян предпочитают свободу

---

⁷ Которые, впрочем, подтверждаются и данными некоторых психологов [Касьянова, 1994].

материальному благополучию⁸. Правда, свободу при этом большинство принимают отнюдь не как политические права и свободы, а как "возможность быть самому себе хозяином".

Впрочем, и политические права и свободы для россиян также достаточно важны, но основное значение среди них имеют все-таки связанные с индивидуальными свободами. Так, 2/3 населения в мониторинговом опросе в марте 2000 года не согласились поддержать такие меры, как ограничение свободы выезда из страны, запрещение забастовок и других массовых выступлений, запрещение деятельности политических объединений и газет, которые выступают против нынешней власти. То есть большинство населения считают, что свобода передвижения, слова, демонстраций - важные компоненты, работающие на "общее благо", что без них его достижение будет затруднено.

Что же касается понимания самой демократии, то особенно важны для россиян такие демократические ценности, как равенство всех граждан перед законом, свобода слова и печати, независимость суда, свободные выборы органов власти и т.д. Это связано в первую очередь с тем, что они обеспечивают важнейшую ценность российской культуры - социальное равенство, обеспечение которого является одной из важнейших функций государства и ради реализации идеала которого люди готовы отказаться от модели общества, обеспечивающей столь ценимую ими личную свободу. Во всяком случае, в исследовании "Граждане новой России..." в дилемме с выбором между обществом с индивидуальной свободой или обществом социального равенства первое (т.е. американскую модель "рыночного" общества) предпочли 26,6% россиян. Затруднились сделать выбор 19,4% респондентов. Большинство же (54,0%) россиян выбрало общество социального равенства. Однако, учитывая данные других исследований РНИСиНП, где изучалось понимание россиянами равенства, речь в данном случае идет не о равенстве доходов и условий жизни, а о равенстве возможностей, которое при всей своей утопичности воспринимается большинством как критерий социальной справедливости. Причем даже вполне "рыночное" по своим убеждениям (судя по ответам на остальные вопросы) поколение 26-35-летних достаточно убежденно (47,1% против 32,1%) предпочитает идею равенства идее индивидуальной свободы. Таким образом, равенство является не столько признаком "антирыночности" сознания россиян, сколько отражением специфики российской культуры в самом широком смысле слова, отражением понимания ценностей и целей существования. И не случайно при характеристике понимания демократии был только один признак, набравший более половины всех ответов (53,9%) - равенство всех граждан перед законом. Естественно, что именно эта черта демократии оказалась у нас и наиболее ценной⁹.

Если от некоей идеальной модели перейти к современной российской действительности, то для подавляющего большинства (77,3% по данным мониторинга октября 2000 года) самое важное в "современной российской демократии" - свобода слова и средств массовой информации. Практически не важна, например, многопартийность (26,4% отметили ее как важную и 49,7% - как не важную для них черту российской демократии). Учитывая, что многопартийность, так же как другие инструментальные ценности демократии, не является неотъемлемым элементом российской

---

⁸ Конечно, любой россиянин хотел бы жить материально обеспеченно, и совсем уж безобразно, с его точки зрения, когда материальные блага распределяются несправедливо. Но для большинства россиян с традиционным для русской культуры культом "аскезы" по-прежнему "не в деньгах счастье". И не случайно самоидентификация по взглядам оказалась для россиян важнее, чем по материальному достатку, а уровень дохода и самооценка уровня материальной обеспеченности в отличие от социально-профессиональной принадлежности в программе SPSS не попали в число основных стратифицирующих факторов при анализе мировоззренческого "ядра" позиций, существующих в сегодняшней России.

⁹ Инструментальные ценности демократии, позволяющие отстаивать свои гражданские (и не только гражданские) права, россиянами, в сущности, не освоены, да они при характерной для нас модели взаимоотношений государства, общества и личности не очень-то и важны.

модели взаимоотношений общества и власти, ось которой - непосредственные отношения "народ - верховный правитель", столь низкая оценка ее значимости вполне естественна.

Но значит ли это, что в рамках вырисовывающейся в опросах идеальной модели взаимоотношений общества и власти нет места оппозиции и, кроме двух упомянутых субъектов (одного - имеющего право стихийно высказаться о своих проблемах с использованием различных демократических свобод и второго - принимающего во имя общего блага решения, исполнение которых после их принятия обязательно для всех) в ней нет места ни для кого другого? Отнюдь нет. Наличие оппозиции - неотъемлемый компонент данной модели, только вот ее формы и цели существования, характер деятельности и права заметно отличаются от тех, что характеризуют оппозицию западноевропейского образца.

Несмотря на годами лившиеся потоки взаимного компромата, россияне считают важным компромисс власти и ее политических оппонентов. Более половины из них убеждены, что жесткие требования различных общественных групп к правительству могут лишь повредить всеобщему благополучию, а задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать помощь в его работе. Но это не означает заведомо подчиненного положения оппозиции: с точки зрения россиян, любая политическая партия должна иметь шанс возглавлять правительство, а без оппозиции как таковой вообще невозможна настоящая демократия.

Наиболее точным для такой модели будет определение "*консенсусная*", а ее лозунгом должно стать "*сотрудничество ради общего блага*". При этом неизбежное соперничество политических сил не должно превращаться во вражду, а, напротив, так же как и любая состязательность служить общему благу. Ведь рано или поздно политические силы могут поменяться местами, и правящие группы уйдут в оппозицию. Только предшествующая совместная работа, пусть и сопровождающаяся различиями во взглядах, способна будет гарантировать тогда цивилизованную форму процесса смены власти. И нельзя не согласиться с Гуровой в том, что наряду с прямым взаимодействием народа и верховного правителя важнейшей особенностью "демократичности" правления в глазах россиян выступает наличие оппозиции, состоящей не из рядовых россиян, которые, напомним, от власти сознательно самоустраиваются и власть для них - отрицаемая ценность, а из авторитетных людей, призванных и способных думать об общем благе. Добавим к этому и "ходовков", и демонстрации (но в любом случае в основе действия лежит либо жалоба¹⁰, либо предложение, направленное на общее благо). Да и деятельность оппозиции может осуществляться в разных формах - от "собора" до "думы". Но в любом случае смыслом этой деятельности выступает обсуждение путей решения проблем, в наибольшей степени способных обеспечить достижение общего блага, а не критика действий властей как таковых.

Власть же обязательно должна прислушиваться к этому органу "коллективного разума", иначе она становится объектом осуждения, а при систематическом игнорировании "общего интереса" - и нелегитимности. Кстати, как это ни парадоксально, Государственная Дума в наибольшей степени выполняла в 1990-е годы те функции, которые в рамках российской социокультурной модели должен выполнять совещательный орган при верховном правителе. Однако делалось это в значительной степени стихийно, как своего рода материализация тех подсознательных архетипических моделей, которые разделялись и самими депутатами, и есть опасность, что по мере профессионализации работы Государственная Дума окончательно уйдет от стереотипов традиционной российской модели. Опасность эта очень серьезна, особенно в

---

¹⁰ Кстати, функция принятия и рассмотрения жалоб практически полностью выпала из основных функций государства в 1990-е годы, что сводится к формуле "пожаловаться и то некому", и выступает свидетельством полной безысходности жизни.

условиях, когда сама идеология консенсусного характера принятия решений, имеющих значение для всего населения, разрушена. И нельзя не согласиться с Найшулем в том, что все основные вопросы, в которых наше государство сегодня терпит провал, - это соборные (т.е. затрагивающие интересы всей общности и решаемые на основе консенсуса) вопросы.

Как видим, и в вопросе о деятельности оппозиции российская социокультурная модель взаимоотношений различных субъектов власти *предполагает приоритет интересов общества, но в мягкой форме, с правом оппозиционных сил "быть услышанными" и отстаивать свои интересы, а также с необходимостью учета при выработке государством общего вектора развития общества, всего многообразия интересов его членов и политических сил.*

И нельзя не порадоваться тому, что, вопреки колоссальной пропагандистской работе по размыванию базовых, основополагающих для всей российской культуры на протяжении веков взглядов, для большинства россиян (и более того - для большинства сегодняшней молодежи) этот культурный стереотип сохранил свое значение и все-таки продолжает работать.

Если для более точного понимания специфики оптимальной модели общества в глазах россиян попытаться использовать знаменитый лозунг французской революции "Свобода. Равенство. Братство", который, в зависимости от того, на какой его части в ходе той или иной буржуазной революции делался акцент, приводил к очень разным моделям капиталистического общества, то можно сказать, что для россиян на первом месте стоит Братство (при котором интересы общности важнее интересов личности), на втором - Равенство, а на третьем - Свобода, понимаемая как набор индивидуальных прав, т.е. как независимость. При этом политические права и свободы относительно не важны. Еще раз подчеркну, это связано с тем, что для россиян *не те или иные группы, индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство как выразитель общих интересов должно, принимая во внимание интересы отдельных личностей и социальных групп, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой, общности.* Нет нужды говорить о том, как далека такая модель, составляющая социальный запрос россиян к власти, от того, что сейчас происходит в России.

Другое дело, что консенсусная модель общества всегда предполагает, что если одна из сторон (например, президент и правительство) не соблюдает своих обязанностей, направленных на реализацию этого общего блага, то и вторая сторона освобождается от своих обязательств. А следовательно, россияне при такой власти, которая была в России практически все последнее десятилетие, с их точки зрения, свободны делать все, что им заблагорассудится. Но, понимая к сколь разрушительным последствиям приводит такое поведение при последовательной реализации этого принципа, россияне очень надеются на появление верховного правителя, который будет в своей деятельности руководствоваться все-таки интересами "общего блага".

С подобными надеждами в значительной степени связан феномен В. Путина который на первое место ставил и продолжает ставить, по крайней мере на уровне выступлений, интересы страны, а не реформ, демократии и т.д. Эти ожидания не означают, разумеется, ожидания отказа от демократии или рыночных реформ. Но зато они совершенно точно означают ожидания того, что при принятии решений человек, выступающий в роли верховного правителя, не будет руководствоваться интересами своей семьи, отдельных олигархов или любой другой отдельно взятой группы лиц. Означают они и то, что и рынок, и реформы, и конкуренция, и финансовое оздоровление, и многие другие идолы реформаторов 1990-х годов важны для большинства рядовых россиян не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они содействуют реализации общего блага - выживанию и прогрессивному развитию общности, в основе которого не просто экономическое благополучие, а превращение России в одну из наиболее технологически развитых стран мира. Это, конечно, совсем

иная, чем предлагавшиеся до сих пор реформаторами, идеология экономических реформ.

Конечно, все сказанное выше - не более чем отдельные штрихи к тому портрету российской социокультурной модели взаимоотношений общества, личности и власти, который начинает сейчас привлекать все большее внимание представителей самых разных гуманитарных наук и без учета которой невозможно осуществить никакие экономические реформы. Но, думается, даже эти краткие замечания, основанные на огромных массивах эмпирического материала, полученного в ходе социологических исследований, позволяют говорить о том, что здесь есть совершенно реальный предмет обсуждения. И хочется надеяться, что обсуждение данных проблем, поднятых в числе прочих при обсуждении темы "Экономика-язык-культура", получит продолжение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994.

© Н. Тихонова, 2001